

**ИРИНА
МОСКВИНА**

**ДЕМОНОЛОГИЯ
НАШЕГО РАЙОНА**

**Москва
2021**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М82

Иллюстрация на переплёте
Юлии Девятовой

Москвина, Ирина Юрьевна.

М82 Демонология нашего района / Ирина Москвина. — Москва : Эксмо, 2021. — 512 с.

SBN 978-5-04-118021-8

Проза Ирины Москвиной похожа на живую птицу, залетевшую в жилую комнату.

Ей тесно пространство привычных вещей и интерьеров, она пробует на прочность (и раскладывает на части) самые привычные образы повседневной жизни, превращая даже домашнего (а уж тем более бродячего) кота в объект искусства и исследования.

А, например, жизнь стареющей романтической квартиросъемщицы — в раблезианскую сказку о потерянной женщине в вечном поиске любви.

Стиль Москвиной практически и есть сюжет и само вещество ее произведений.

Тот исключительный случай, когда «как» неотъемлемо от «что». И даже осень в городе кажется частью лета.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Москвина И., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-118021-8

НАПРАВО ПОЙДЕШЬ

ПРИЧИТАНЬЯ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Елене Сунцовой

1

Причитанья северного края спального района, кольцевого маршрута, углового подъезда, торцевой квартиры. Ранний сумрак, разверстый гололед, далекий фонарь, круглосуточный гипермаркет. Отступив от широкой проезжей части, шарят по гололеду, как потерявший ключи пьяный, сторбившиеся неряшливые кусты. Где не гололед и не кусты, там лужа. Ветрам вольготно лететь сквозь эти просторы, взметая людей и мусор. Гоня людей, в ореоле мусора, все вдаль и вдаль: проспект Художников, улица Композиторов, Поэтический бульвар. Проспект Культуры, проспект Просвещения. Есенина, Кустодиева, Луначарского, Науки. О, эти страшные (для тех, кто понимает) названия! Ужасная Пражская, пугающая Будапештская. И вовсе уж какой-то невыразимый проспект Наставников. Бульвары Сиреневый и Серебристый, один другого жутче. Куда ты по ним пойдешь, что ты найдешь? О, усталый прохожий обоего пола в мокрых до колен, изжеванных лужами джинсах, изъеденных солью ботинках. В исхлестанном стихиями черном пуховике. Хищные улицы и проспекты плотоядно и зло ухватывают тебя за ноги, за руки, замедляют ход, затрудняют движение. И окраинная, конечная, как кру-

✓
3
7

шение всех надежд, улица Жени Егоровой. Тоже, как и крушение надежд, таящая в себе последнее лукавство, недостижимую ложь: кольцо маршруток. Они тускло светят окошками на фоне сплошной холодной тьмы, на фоне невнятной стройки, на фоне более темного, чем темнота, переплетения балок и надрывно изогнутой арматуры. Это иллюзия. Последняя, безнадёжная, прекрасная, бессмысленная иллюзия. Достаточно, провлекшись гололедом, подойти поближе и, прищурившись, прочесть маршрут этих маршруток: Науки, Просвещения, Есенина, Художников, Композиторов. Поэтический. Сиреневый. Культуры. Все, это тупик, и круг замкнулся и выхода нет. Ничего больше нет и не может быть. И уж не будет.

Есть только один выход, точнее, не совсем выход, конечно. Вариант действий внутри сложившихся (закольцевавшихся кольцом маршрутки) обстоятельств. Этот вариант, эти варианты представлены широко за счет развитой инфраструктуры района.

Вот крыльцо (первый этаж, «кораблик», двушка, переведенная в нежилой фонд), лесенка. Взойди по ней, и будет тебе Салон Красоты. Выйди оттуда загорелой, с коррекцией бровей, мелированием, наращиванием ногтей и нейл-артом, выйди с пирсингом, татуировкой, перманентным макияжем, ботоксом, выйди с лазерной эпиляцией и ламинированием оставшегося, неэпилированного, выйди с карвингом, афроплетением и биоэзавивкой, выйди на крылечко, уверенно ступая ногою на шпильке и скрытой платформе, пленительно поводя бедром в синих джинсах, мечтательно дыша упакованной в пуш-ап грудью под черным пуховиком. И теперь ты обязательно встретишь Его. Вот он уже идет навстречу, спешит, твой суженый-ря-

ДЕМОНОЛОГИЯ НАШЕГО РАЙОНА

женный, в синие джинсы наряженный, в синие джинсы и черный пуховик, внезапно освещаемый промелькнувшими фарами пятнисто, как березовая роща на картине Куинджи «Освещенная солнцем березовая роща». Ты узнаешь его из тысячи (таких же, в синих джинсах и черных пуховиках), и это прекрасно, потому что all you need is love, особенно здесь, где тьма, и тьма, и шпильки скользят по гололеду, и злой ветер развивает и хлещет по лицу карвингом и биолавивкой. А кроме «здесь» ничего больше нет и не может быть. Поэтому надо идти дальше, скользя, мимо кустов, по новой лесенке, на другое крылечко (сто тридцать седьмая серия, панелька, трешка, переведенная в нежилой фонд), в ювелирный салон. А потом — в салон для новобрачных «Офелия», за самым красивым, самым дорогим, белым и пышным платьем. А потом в ресторан, «Токио» или «Васаби», или еще какой-нибудь (район хорош развитой инфраструктурой). Потом надо жить с родителями, долго жить с чьими-нибудь родителями. Долгие, семейные, зимние вечера, с четырьмя и более черными пуховиками, висящими в коридоре на вешалке. Возможно, дети. Нет, невозможно, пока невозможно. Наконец, когда-нибудь, свершилось! Своя квартира. Вот тут-то и начинается жизнь наконец-то, пробудившись, начинается жизнь. Вокруг все так же пролегает маршрут маршруток, вокруг тьма Культуры, Науки, Художников и Просвещения, и огромная, как история людских заблуждений, неиссыхаемая лужа поперек Поэтического бульвара, от детсадика до авторемонта, кусты, ветер, гололед, гипермаркет, ночь, аптека, еще одна аптека, дорожка, но круглосуточная, фонарь, еще фонарь. Но все это уже не важно. Важно другое. Теперь мы смотрим на

все это из окна. Из всех маршрутов мы возвращаемся сюда, доползаем, сбросив шпильки в соляных залах и черный пуховик в коридоре, вытряхнув мусор и дождь из карвинга, смотрим свысока в черное, заботливо выставяющее между нами и тьмой наш же темный силуэт окно.

2

В одном городе, на одной улице, на одном этаже в одной квартире у одной девушки жила одна кошка. А девушке хотелось не одну кошку, а двух. А муж у нее был хороший человек, добрый был, высокий и красивый, рукастый, ногастый, в смысле бывший спортсмен, головастый, в смысле без пяти минут научный работник, и вообще, как мужчина он был ого-го, и заботливый, пылинки с нее сдувал, идеал, сидел за шкафом, семечки лузгал и писал диссертацию, абсолютный идеал, но только был он тиран и деспот. И никак вторую кошку девушке не разрешал. А первая кошка, которая единственная, у них была кот. И все девушка и так и сяк его просила, мол, кошку бы к тому коту. И на рассвете просила и на закате тоже, и ласкою и со слезой, и другие девушки так у мужей шубу выпрашивают, как эта кошку, но в принципе кошка-то ведь шуба и есть. Но ведь не только! Это еще и сердце, любящее кошачье сердце, и грация, и красота, и беспредельность в каждом жесте. И если вот две кошки, то сколько у них на двоих наступит жестов, сколько беспредельностей! В одной-то квартире. А квартира большая, хорошая, новая, дом кирпичный, престижный, этаж восьмой, подойдешь к окну, глянешь — все кораблики окрестные дома да кораблики, ну иногда пять-

сот четвертая серия. Даже если сто тридцать седьмая. Все равно она отстой и панелька. Но там тоже живут люди. У них белье на балконах и что-то там в кухнях (семь метров). А у нас девять с половиной. У нас арка из кухни в гостиную, как в Европе. И если целоваться с кем-то в кухне, то это можно просечь из спальни. Как, а вот так: происходящее в кухне через арку видно в гостиной, и отражается в окнах застекленного балкона, каковой балкон выступает из стены вперед, и отражаемое в его стеклах можно увидеть из спальни, пусть и смутно. Увидать, как кто-то смутно целуется в кухне. Мы не будем этого делать. Нам не хочется страстей, нам хочется комфорта. Мы столько жили со страстями без комфорта, что пришла пора зажить наоборот. Без всякой второй кошки. Вторую кошку заведешь, так уже не поехать никуда, одну-то еще можно пристроить кому-то на время, а двух? Они будут драться, они нам всю квартиру разнесут. Так говорил муж, сидя за шкафом над диссертацией и миской сплюнутой шелухи от семечек, точнее, не говорил, а думал. Думал, что животное в доме должно быть одно. Точнее, говорил. Говорил — одно, а сделал другое! А сам завел себе там паучка за шкафом. Завел, прикормил, вот такой паучок, здоровенный, ноги длинные, мохнатые, ползет по диссертации, гостинчика ищет. Муж ему там гостинчик оставляет. Паучок обленился, паутину не плетет уже, только старую проверяет, гостинчиком сыт. Это же от бывших хозяев паучок, клялся муж, я его просто пощадил при ремонте. Пощадил, прикормил, полюбил. Но не завел, не завел, совсем не завел, он уже был. А сам между тем летом, когда девушка в отпуск уезжала, завел каких-то животных в манной крупе! Ты что, может, скажешь,

что я и призрак дедушки завел! Животные в крупе сами завелись. От времени. И призрак дедушки так же. В квартире (большой, хорошей, дом кирпичный и т. п.) жили бабушка с дедушкой. Дедушка был бабушкин папа. Это было давно, двадцать лет назад. И у них не было мамы, был зато бабушкин муж. А потом раз, в один год дедушка умер, а бабушка развелась с мужем, натурально в один год (смотрели документы в ЖЭКе), мы, когда покупали у них, там был уже другой муж. А от дедушки (умершего папы) ничего не осталось, только люминал в домашней аптечке, двадцатилетней давности, только веронал и димедрол, и письменный стол, за которым он когда-то писал диссертацию, и научные статьи, и труды, труды и дни, и целая научная школа, что-то такое с горно-инженерным уклоном, и бабушка, кстати, тоже там писала диссертацию, и первый ее муж, изгнанный, писал по психологии, как и девушки́н муж, какое совпадение, надо же. Жан Пиаже «Генезис числа у ребенка» и Веккер «Психические процессы» у них как стояли в шкафчике в сортире, так мы и оставили. А стол поставили за шкаф, этот благодатный для диссертаций стол. Бабушка с новым (пятнадцатилетней давности) мужем уехали, все-все вывезли до последней досочки, лампочки выкрутили, кроме стола и трудов и дней Жана Пиаже, и еще аптечки и призрака дедушки. Призрак дедушки поначалу был невредный, добрый был, слегка растерянный, бесплотный, ахал, охал, шуршал и шебуршал. При ремонте подворовывал по мелочи, так — валик, рулетку, потом вздыхал и подкидывал обратно, уже на другое место. Потом бабушка спохватилась, приехала, забрала аптечку, и тут уже дедушка пошел вразнос. Топал, хлопал, ухал, бродил, особенно ночью, очень

полюбил ощупывать лица спящих. Потрескивал, тренькал, подгорал еду на кухне. Это она аптечку-то увезла с наркотой, вот он, бедный, и шарахался. Они помучились с ним таким, а потом им посоветовали — заведите кошку. Очень помогает от призраков либо кошка, либо всю квартиру освятить по фен-шую батюшкой. Кому что ближе в плане воззрений. Девушка тогда полазила на всяких форумах в Интернете, где бездомных котов ловят, лечат и раздают, и взяли они одну кошку, кота, которого до этого другие люди подобрали, а еще до того — третьи люди выкинули. Кот оказался — золото, глаза зеленые, бока мохнатые, мурлычет, ест сухой корм. Исправно ходит в лоток. И дедушкин призрак, точно, поутих, воровать почти перестал, стал незаметным, совсем не буйным. И все б хорошо, жить теперь да поживать, ходить из кухни в гостиную через арку, как в Европе, читать в сортире Жана Пиаже, писать диссертацию, гладить паучка и наблюдать за котом. Но нет. Но девушка, она как на эти сайты про помощь бездомным котам залезла, так все вылезти и не могла. Помешалась на них, короче (не хотелось бы этого говорить). Оказалось, что есть такое движение, специальные кошковые волонтеры. Они бродят по родному городу с пакетом сухого корма, их взгляд расфокусирован и мысли витают, но стоит им заметить мелькнувший где-то край бездомной кошки, нуждающейся в помощи (а все бездомные кошки нуждаются в помощи), как глаза волонтера загораются фанатичным блеском, он группируется, собирается и уверенно настигает кошку горстью сухого корма. Прикормленная кошка отлавливается. И с этой минуты волонтер превращается в куратора. У каждого куратора на попечении от одной до бесконечного мно-

жества кошек. Кошкам ищется передержка (у куратора обычно дом изобилует собственными кошками), ищутся будущие хозяева. Но до этого кошку надо глистогонить, надо лечить, надо стерилизовать, надо платить за передержку. На все это собираются деньги через Интернет, через знакомых, через фонды. Очень много денег уходит на каждую кошку. А мир набит бездомными кошками, калечными, увечными, с выколотыми глазами, сломанными лапами, отъеденными хвостами, обмороженными ушами, выжженными носами, кошками, которых топили, давили, выкидывали, взрывали фейерверками и рвали напополам, кошками с панлейкопенией, кальцивирозом и ринотрахеитом, с вот такими глистами, с лишаем, и всех этих кошек надо спасти, немедленно спасти, иначе станет еще хуже, и все время рождаются новые кошки, уличные, никому не нужные, мрущие и страдающие, и мир скоро лопнет от них по швам. Если не спасут волонтеры и не подсуеятся кураторы. И вот, бывает, всей галактикой скинулись, вылечили труднейшую кошку, спасли, пристроили, уф, но уже пять следующих калечатся и увечатся аккуратно в соседнем дворе. Тут некогда передохнуть ни на минуту, и на это либо надо класть жизнь, либо забыть, не смотреть, бежать прочь как можно быстрее и дальше. Сердце, сердце, как тебя унять. Когда они так и валяются на тебя со своими страданиями в режиме онлайн, все новые и новые, и такие же, ты знаешь, погибающие или могущие погибнуть, прямо в соседнем дворе, в твоём дворе, глянь-ка в окно. В окне все кораблики и кораблики, дальше пятьсот четвертая серия, и между корабликом и пятьсот четвертой серией идет кот. Он красив, он миниатюрен. Наверное, он кошка. Он шествует мимо дет-

ской площадки, останавливается, принимается играть с веточками осенних кустиков. Он такой самодостаточный. Придет зима, морозы тридцать градусов, его никто не пустит в подъезд, кто-то пустит, а другой кто-то выгонит, и он погибнет. Его замуруют в подвале, отравят крысиным ядом, собьют машиной, съедят собакой. Если его не взять домой. Вот он тот, который наш, дома, ему хорошо. Он теплый, у него хвост. Он спит, он проснулся, потягивается. Его теперь не съедят, не разорвут. Он теперь ест сухой корм. Исправно ходит в лоток. Пользуется когтеточкой. Сердце мое. А тот погибнет в муках. Что же делать. Смотри какой, ну давай возьмем. Никакой второй кошки. А больные дети, а умирающие взрослые, а старики? Что тебя зациклило на этих котах? А домашний, проживший насыщенную творческую жизнь дедушка, умерший своей смертью? Что это была за смерть, ты знаешь? И что с ним стало потом? Почему он все ходит, все шуршит, все не успокаивается без люминала, все ворует рулетку и поджаривает обед? Все приходит ощупывать наши лица, пока мы спим, все, видно, хочет нащупать чье-то другое лицо. Чье же. А ты говоришь коты. Забудь, абстрагируйся. Это жизнь. Или сойди с ума, побрейся налысо, облачись в рубище и броди на районе с пакетом вискаса, приманивай на него бродячих котов, лови, лечи и пристраивай. А я тебя приманю на бродячего кота, изловлю, пристрою в дурку, и пусть тебя лечат. Никакой второй кошки. Вот тебе одна, спасенная, радуйся. И где мой паучок, кстати, что-то его давно не видно. Небось кот съел. Коты известные паучкоеды. А ты говоришь второго. Жалко паучка-то. Паучка жалко, он был мохноног, быстр, радовался гостинчику, приходил, а теперь уж не прихо-